

Е.О. Филинкова

ГРАФИЧЕСКИЕ ВЫРАЗИТЕЛЬНЫЕ СРЕДСТВА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Анализируя художественный текст, филологи обычно рассматривают языковые единицы разных уровней: лексического, морфологического, син-

таксического; в то время как графика и орфография печатных текстов чаще всего остаются вне сферы внимания исследователей. Однако эти внешние, формальные атрибуты печатных текстов не менее важны хотя бы уже потому, что тексты предназначены для зрительного восприятия, следовательно, графико-орфографический облик слова, всего текста – это составная часть его выразительных возможностей.

Выразительным в плане графики и орфографии в художественном тексте становится все то, что является необычным, выделяется на фоне известного нормативного написания слов. Графические выразительные средства следует отличать от разного рода опечаток, ошибок, а также случаев устаревшего написания в дореволюционных изданиях и изданиях, осуществленных до 1956 г. (год выхода «Правил русской орфографии и пунктуации», действующих поныне). Необходимо отметить характерные признаки графических выразительных средств (ГВС):

- во-первых, ГВС – это случаи отступления от нормативного написания, изменение (в некоторых случаях, можно сказать, намеренная деформация) графического облика слова;
- во-вторых, такие отступления делаются автором произвольно, намеренно, повторяются в тексте при переизданиях;
- в-третьих, ГВС несут достаточно ярко выраженную смысловую нагрузку, акцентируют внимание на слове, его значении;
- в-четвертых, случаи некодифицированных написаний обычно заметны в тексте, они касаются ключевых слов во фразе, графический облик которых хорошо известен и в определенной степени помогает заметить его изменение.

Естественно, что не во всех художественных текстах содержатся такие графико-орфографические особенности, которые можно считать выразительными средствами. Их использование прежде всего связано с жанром, тематикой текста, индивидуальным стилем автора, его чувством языка.

Исследование графических и орфографических особенностей печатных текстов художественных произведений даст возможность выявить не только тонкие смысловые нюансы, но и позволит «услышать» текст, воспринять звуковые особенности описываемых событий, речь персонажей, ее интонационный рисунок. Кроме того, имеющиеся в текстах отступления от нормативной орфографии могут нести также историко-лингвистическую информацию: характеризовать особенности произношения не только персонажей, но и автора, передавать специфику разговорной интонации.

В этой связи представляется интересным провести анализ использования графических выразительных средств в текстах повестей И.С. Шмелева «Богомолье» и «Лето Господне». Повести были написаны в 1927 – 1948 годах, являются автобиографическими и имеют между собой идейную, сюжетную, тематическую, стилистическую связь. Материалом для создания повестей послужили события одного периода жизни автора, в них действуют одни и те же персонажи, упоминаются одни и те же люди, события, в каждой из повестей есть отсылки к тексту другой. Все этого дает основания рассматривать языковые особенности повестей как единое целое.

Исследователи обращали внимание на необычность повествовательной формы повестей «Богомолье» и «Лето Господне» [Николина 1994: 71; Николина 2003: 109 – 111]. Своеобразие прежде всего связано с обращением писателя к сказу, который предполагает использование не только (и не столько) повествования от первого лица, в целом характерного для автобиографической прозы, но и имитацию социально-характерного монолога, имеющего конкретного или абстрактного слушателя. Именно сказ, с одной стороны, дает возможность, а с другой – предполагает и даже диктует автору особый стиль, язык, интонацию повествования, при создании которых И.С. Шмелев прибегает к использованию выразительных графических средств (конечно, наряду с прочими).

Автобиографические повести описывают раннее детство автора (в возрасте 5 – 7 лет, до 1880 г.), они создавались И.С. Шмелевым в эмиграции, во Франции, в течение почти 20 лет (1927 – 1948 годы) и впервые были опубликованы в зарубежных издательствах. Следует отметить, что до конца жизни И.С. Шмелев писал и издавал свои произведения в дореформенной («старой») орфографии, не приняв новой, «советской». В России большинство его книг было издано в 1990-х годах, конечно, уже в современной орфографии. Возможно, в связи с этим они отчасти утратили ореол «доброй старины», но в то же время стали более доступными для современных читателей, особенно молодых. Однако все издания автобиографических повестей И.С. Шмелева сохраняют те графико-орфографические особенности, которые использованы автором как выразительные средства, т. е. на них не повлиял перевод текста в современную орфографию, они первоначально существуют вне нормативной графики и орфографии, поэтому изменения норм их не затрагивают.

Графика и орфография располагают гораздо меньшим набором средств, чем лексика и грамматика, поэтому и выразительные графические средства ограничиваются небольшим числом. Среди тех, которые использованы И.С. Шмелевым, необходимо назвать и охарактеризовать курсив, нестандартное употребление дефиса, повтор буквы для обозначения долготы гласного звука (продолгация) и повтор буквы для обозначения долготы согласного звука (геминация), графико-орфографическая деформация слова.

Курсив* используется в тексте повести «Богомолье» относительно редко (значительно реже других средств), в «Лете Господнем» несколько чаще в последних главах: *Мне начинает казаться, что теперь прежняя жизнь кончается, и надо готовиться к той жизни, которая будет... где? Где-то на небесах* (С. 153); *Они стерегут, чтобы ухватить душу, а душа трепещет и плачет: «Увы мне, окаянная я!» Потому они чувствуют, что конец им подходит, Христос воскреснет!* (С. 153); *Неужели и там, куда все уходит из этой жизни, будет все такое постное* (С. 154); *Их-фимоны, стоящие... Как будто та жизни подходит, небесная, где уж не мы, а души* (С. 160) [Шмелев 1997].

Курсивом обычно выделяются три группы слов.

1. Слова, имеющие особую смысловую нагрузку, обозначающие важные абстрактные религиозные понятия, наделенные мистическим смыс-

* Курсив И.С. Шмелева выделен полужирным.

лом, – Бог, душа: *Чувствуется мне в этом великая тайна – Бог* (С. 155); *Мрет в моих глазах, – и чудится мне, в цветах, – живое, неизъяснимо-радостное, святое... – Бог?* (С. 203 – 204).

2. Слова, обозначающие «плохие», неприятные для человека вещи: смерть, нечистую силу и т. п. В тексте эти понятия даже не называются, для этого служат слова-заместители – местоимения и наречия: *Дни теперь такие... «Бродят они, как без причалу!» Горкин знает из священных книг* (С. 264); *Пойдем поглядим на мертвые дороги, сейчас вздымать будут. Обязательно ему [о покойнике]* (С. 162). В устной речи такие слова произносятся с особой интонацией, позволяющей передать их эвфемистический смысл, в печатном тексте для этих же целей используется курсив, создавая таким образом графические эвфемизмы.

3. Слова, заключающие особенное значение в пределах текста, которые в устной речи выделяются интонацией. Например, слова, на которых говорящий акцентирует внимание, или слова, требующие объяснения. *И кругом все – такое. Серое небо, скучное* (С. 161); *Это первое мое стояние, и оттого мне немножко страшно* (С. 160); – *Горкин, – спрашиваю его, – а почему стояния? – Стоять надо, – говорит он, поокивая мягко* (С. 160).

В целом курсив как выразительное графическое средство используется И.С. Шмелевым для отображения в тексте подчеркнутой интонации, с которой произносятся некоторые слова, имеющие особое – мистическое или эвфемистическое – значение.

Дефис (точнее, нестандартное употребление дефиса) используется И.С. Шмелевым достаточно часто при передаче устной речи персонажей: *К ночи пьяные навалились, – ка-тай! маслену скатываем!* (С. 155); *Наши ребята хо-рошие, они це-нют...* (С. 159); *А сейчас мы с тобой калачика, го-ряченького* (С. 215). Также дефис активно используется при передаче пения: *Песение начали чуть слышно, скорбно, словно душа вздыхает. – По-мо-щник и по-кро-ви-тель / Бысть мне во спасе-ние.../ Сей мо-ой Бо-ог...* (С. 165); *...И мы хо-зяину ува-жим, / Ро-бо-теночкой до-ка-жим... – подхватывают знакомое, которое я люблю* (С. 171); *Хрис-тос воскре-се из ме-ртвых.../ ...сме-ртию смерть по-пра-ав!..* (С. 202). При передаче пения дефис помогает воспроизвести ритм, мелодику, паузы, протяжные ноты песни. Это позволяет добиться сильного эффекта: не только писатель вспоминает мелодии из далекого прошлого, но и читатель узнает, «слышит» их, так как все они были хорошо известны, много раз слышаны. Следовательно, дефис в основном выступает как средство передачи на письме интонации устной речи и музыки.

Пролонгация и геминация используется в тексте повестей для передачи особенностей звучания (пение, крик, звукоподражания): *Душе мо-я... ду-ше-е мо-я-ааа, Восстани, что спи-ши, Ко-нец при-бли-жа...аа-ется* (С. 165); *Спаа-си от бед... рабы твоя, Богородице... к Тебе прибегаем яко к не-рушимой стене и предста-тельствую...* (С. 218); *Го-споди Си-ил / Поми-луй на-а...а...ас!* (С. 166); *...а уж колокола-а звонят.. поют и поют, прямо!* (С. 221); *Берут в горсть и нюхают: ааа... гру-шовка!..* (С. 234); – *Ння-ня-а!.. – кричу я в страхе* (С. 265); *Вдруг – тупп! Щелкнуло как в зале?...Боммм... Ча-сы!.. шесть, семь, восемь* (С. 265). В основном удвоение характерно для ударных гласных, в звукоподражаниях – и для согласных. Как представляет-

ся, цель использования таких написаний – передача оттенков звучания, они должны проявить эмоции персонажей и автора, создать вокруг читателя особую атмосферу, среду, в которой живут персонажи, заставить его «услышать», почувствовать то же. В любом случае за использованием в тексте удвоения-утроения букв просматриваются особые эмоции говорящего: *Летим с гор... не дай Бог* (С. 157); – *В-вали-и!..* – вскрикивает Горкин, – *и четыре ракеты враз с шипением рванулись в небо* (С. 202); *Орут плотники на досках: «Эт-та вот тряха-ну-ул, Василь Василич»* (С. 235); *Василь Василич вскакивает, тоже кричит – «д-ввай!»* – и сшибает чернильницу (С. 212).

Графическая долгота используется при воспроизведении реплик персонажей в особых ситуациях произнесения: крик издалика, зазывание на рынке: *Ганька привязывает себя к кресту. У меня кружится голова, мне тошно... – Готовааа!.. Прймай нитку-у!* (С. 197); –...«га..лочкаааа...», – слышится мне невнятно, –...нет другой [гоняет голубей на крыше] (С. 189); – *Постные блинчики, с лучком! Грещ-ищевые – ллу-ковые блинчики! – Великопостные самыя... сах-харные пышки, пышки! – Гре-шники-черепенники горрячи. Горрячи грешнички!..* (С. 178). В целом, удвоение-утроение букв используется для передачи особенностей эмоционального произношения.

Очевидно, что и дефис и графическая долгота могут использоваться как эффективное средство передачи особой интонации устной речи, отражая удлинение гласных. Явление удлинения гласных в разговорной речи описано в лингвистической литературе [Русская разговорная речь 1973: 144 – 148], такие гласные служат «подсобным средством для передачи значения, и в этом смысле их можно считать функциональными» [Там же]. В исследуемом материале оба средства (дефис после ударного слога и удвоение букв) без особого различия используются для передачи прорлонгации гласного в следующих случаях.

1. Для выражения удивления: *Приходят с других дворов, дивятся: ка-кой парад!* (С. 216); *На четвертной со мной побился, – весело говорит отец, – через год к весне запоет. За-пел!* (С. 183 – 184).

2. При громком подзывании, окликании: – *Ми-тя! Тама ты?!* (С. 202).

3. В иронических высказываниях, при изменении смысла высказывания на противоположный: *Шею ему попарь, скандалицику! Топорика-то не держал... пло-тник!* (С. 213); – *Сказывали, теперь можно... – Ска-зывали... Не дотерпел, дурачок!* (С. 209).

4. При переспросе, выражающем удивление, недоверие, неодобрение: *Ведро четыре робятам надо бы... Пя-ать?!.. Ну, сам Господь видал, чего было* (С. 192). *С Мартыном не поровняешь, а за ним станет. – С Марты-ном? Ну, это ж...* (С. 214).

5. В оценочных высказываниях: *Им поднесли по шкалику, они покрякали: – Хороша-а...* (С. 193).

6. При констатации факта с оттенком противопоставления его другому: *То на Крещение, а то на Благове-щенье* (С. 181 – 182).

7. При экспрессивной оценке особо больших и малых количеств, размеров, высоты, глубины и т. п.: ...*так, скажешь, с ворону будет, а ме-*

ленький, чисто кенарь (С. 189); – *Стропила наши, под куполом-то, – говорит к храму Горкин, – нашей работы ту-ут* (С. 175).

8. Особая группа, отмеченная дополнительно в исследуемых текстах – удлинение гласного для «назидательной» интонации: – *На пятерик упал. Сто-ой... Поглядим на задок, что написано* (С. 269); *Ага-а... вот тебе чего... про ресницы, негодница! Не-хо-ро-шо-о...* (С. 270); *Читать-то не умеешь... прочита-ем: «Не забывай этого!»* (С. 271).

Таким образом, все рассмотренные графические выразительные средства используются в основном для отражения в тексте особенностей интонации звучащей речи, помогают передать мелодику речи, интонационную выделенность, «подчеркнутость» некоторых слов, акцентировать их значение.

Изменение орфографического облика слова как ГВС следует рассматривать отдельно, так как, в отличие от всех прочих, оно служит для передачи произношения персонажей. Очевидно, что написание слов в соответствии с орфографическим стандартом произношения не отражает, поэтому в случае значимости особенностей произношения персонажа для раскрытия его характера возможно изменение орфографического облика слова, сближения его с произношением. Такие написания не редкость в текстах И.С. Шмелева. Они могут передавать:

- окаящее произношение: *орбузы, Ондрей-ка, Онтон, руковиц, розгонит, кока весна-то, копустку* и др.;

- некоторые особенности старомосковского произношения: *сердются, ценют, дышут; грибами; бутюшника, скворешник, пасошницу, табашники, в Нескушном; легкой же ты, махонькой* и др.;

- просторечное произношение: *Сейчас будет святое приставление [представление]* (С. 247); *поберегемся, зажжем; транбовал, ндравится; прикащик, извоищики; сурьезный, антиресу; елараи* и др.;

- искажение произношения заимствованных слов, свойственное просторечию: *альхитектора, листоран, фершал, лиминацию* и др.

Необходимо особо отметить, что такие случаи отступления от нормативной орфографии встречаются в тексте только при изображении речи персонажей – выходцев из Владимирской губернии (оканье), жителей Москвы, носителей просторечия. Названные особенности их произношения – один из способов характеристики персонажей. В то же время для передачи речи образованных персонажей и самого автора подобные написания не встречаются, напротив, возникает некое противопоставление. Например, Горкин: *Орбузы у него...*; отец: *Арбуз у него выбери на вырез, астраханский, сахарный* (С. 233); Василь Васильч: *Очень я им пондравился*; отец: *Рожка твоя пьяная понравилась!* (С. 156); Горкин: *А вот завтра у нас яблочный Спас*; автор: *«Яблочный Спас»* [заголовок] (С. 232); Василь Васильч: *Лиминацию в три дни облепоруем-с* (С. 194); автор: *Смотрю на образ, и все во мне связывается с Христом: иллюминация, свечки...* (С. 199); Василь Васильч: *Совсюду в нее те-кет, так уж устроилось* (С. 172); автор: *Дорога течет, едем, как по густой ботвинье* (С. 174).

Таким образом, изменение орфографического облика слова используется в тексте автобиографических повестей И.С. Шмелева как особое сред-

ство речевой характеристики персонажей, помогая создать яркие, запоминающиеся образы, отражающие необыкновенно привлекательные (в том числе и своими недостатками) характеры русских людей.

Подводя итог, вновь отметим особую роль графических выразительных средств в печатном тексте, которые создают его «звучание»; служащих для создания ярких образов, передающих особую экспрессию текста. На возможность использования ГВС влияет тематика произведения, его жанр, художественная форма, особенности индивидуального стиля автора. Как представляется, одним из наиболее ярких случаев использования ГВС стали произведения И.С. Шмелева, которому присуще тонкое чувство языка, эмоциональность, мастерство изображения характеров, их речевых портретов. Кроме того, многое в автобиографических повестях «Богомолье» и «Лето Господне» продиктовано особой формой сказа, использованной автором: рассказ от первого лица, постоянное переключение плана повествования (взрослый рассказчик – ребенок) и, самое главное, социально-характерный монолог. Указанные графические особенности способствуют созданию текста полифоничного, образного, запоминающегося, который дает возможность передать не только тонкие смысловые нюансы, но и позволяет «услышать» его, воспринять звуковые особенности описываемых событий, речь персонажей, ее интонационный рисунок.

ЛИТЕРАТУРА

Николина Н.А. Поэтика повести И.С. Шмелева «Лето Господне» // Русский язык в школе. 1994. № 5. С. 69 – 75.

Николина Н.А. Филологический анализ текста. М., 2003.

Русская разговорная речь / Под ред. Е.А. Земской. М., 1973.

Шмелев И.С. Богомолье; Лето Господне: Повести. М., 1997.

Ж.В. Леонова

ОРФОГРАФИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА НАЧАЛА XX ВЕКА (на материале учебных пособий)

Обучение правописанию – процесс сложный и длительный. Овладение навыками грамотного письма – задача, которую обязан решить каждый учащийся. Но как упорядочить этот процесс? Как сделать его строго последовательным, а главное – доступным для обучающихся и обучающихся? Эти вопросы были вынесены на обсуждение широкой общественности в начале предыдущего столетия. И как следствие – повышенный интерес к преподаванию орфографии в частности и системе русского правописания – в целом.

Начало XX в. – время активных дискуссий об упрощении русского правописания. Необходимость реформы правописания в целях повышения грамотности признавалась всеми. Каково содержание учебников по русскому языку, которые закладывали основы грамотности в процессе обучения русскому языку? Как подавался теоретический материал и упражнения для закрепления? В чем заключались «орфографические пути», которые пытались